

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

К.А. АВЕРЬЯНОВ

ЗАГАДКА ЗАВЕЩАНИЯ ИВАНА КАЛИТЫ

История присоединения
Галича, Углича и Белоозера
к Московскому княжеству в XIV в.

Новейшие исследования по истории России

Константин Аверьянов

**Загадка завещания Ивана
Калиты. Присоединение
Галича, Углича и Белоозера к
Московскому княжеству в XIV в**

«Центрполиграф»

2018

УДК 94(47)034
ББК 63.3(2)42

Аверьянов К. А.

Загадка завещания Ивана Калиты. Присоединение Галича, Углича и Белоозера к Московскому княжеству в XIV в / К. А. Аверьянов — «Центрполиграф», 2018 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-08108-7

Книга доктора исторических наук К.А. Аверьянова посвящена одному из самых интересных и загадочных вопросов русской истории XIV в., породившему немало споров среди историков, – проблеме так называемых «купель Ивана Калиты», в результате которых к Московскому княжеству были присоединены несколько обширных северных земель с центрами в Галиче, Угличе и Белоозере. Именно эти города великий князь Дмитрий Донской в своем завещании 1389 г. именует «куплями деда своего». Подробно анализируются взгляды предшествующих исследователей на суть вопроса, детально рассматриваются указания летописных, актовых и иных первоисточников по этой теме. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)034
ББК 63.3(2)42

ISBN 978-5-227-08108-7

© Аверьянов К. А., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Предисловие	6
Суть проблемы	6
Мнения историков	7
Постановка задач для дальнейшего исследования	16
Глава 1	18
Князья Мещерские	18
Споры о времени «купли» Мещеры	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Константин Аверьянов
Загадка завещания Ивана Калиты.
Присоединение Галича, Углича и Белоозера
к Московскому княжеству в XIV в.

Серия «Новейшие исследования по истории России» основана в 2016 г.

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Карты к книге выполнены С.Н. Темушевым, доцентом кафедры истории России Белорусского государственного университета

Предисловие

Суть проблемы

История формирования единого Русского государства всегда была одним из главных предметов внимания отечественных историков. Тем не менее необходимо признать, что целый ряд важных сторон процесса централизации страны все еще остается своего рода белым пятном и требует своего изучения. Одним из подобных вопросов, породившим массу всевозможных догадок и предположений исследователей, на протяжении уже двух столетий является вопрос о так называемых «куплях» Ивана Калиты.

Суть его заключается в следующем. Составляя в 1389 г. свою вторую духовную грамоту (завещание), великий князь Дмитрий Иванович Донской сделал следующие распоряжения: «А сына своего благословляю, князя Юрья, *своего деда куплею*, Галичем, со всеми волостми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с теми селы, которые тягли к Костроме, Микульское и Борисовское. А сына своего, князя Андрея, благословляю *куплею же деда своего*, Белымозе-ромъ, со всеми волостми, и Вольским съ Шаготью, и Милолюбьский езь, и съ слободками, что были детии моих. А сына своего, князя Петра, благословляю *куплею же своего деда*, Оуглечим полем, и что к нему потягло, да Тошною и Сямою»¹.

В тексте завещания наше внимание привлекает троекратное указание на то, что данные города являлись для Дмитрия Донского «куплями» его деда, которым, как известно, являлся живший на полстолетия раньше великий князь Иван Данилович Калита. До наших дней сохранились его две духовные грамоты, дошедшие, что важно, в подлиннике. Но в них нет ни малейшего намека на то, что Калита владел упомянутыми его внуком городами². Что же имел в виду Дмитрий Донской, когда называл Галич, Бело-озеро и Углич «куплями своего деда»? Этот вопрос интересовал историков еще со времен Н.М. Карамзина.

Мнения историков

Стремясь хоть как-то объяснить отмеченное выше противоречие, Н.М. Карамзин предположил, что Калита приобрел указанные города незадолго до своей кончины, и тем самым они просто не попали в составленное несколькими годами раньше завещание московского князя³. Однако здесь его подстерегала другая трудность: до нас дошли духовные грамоты сыновей Калиты – Семена Гордого и Ивана Красного, но и в них опять-таки нет ни одного слова про Галич, Углич и Белоозеро⁴.

Для объяснения этого парадокса Н.М. Карамзин нашел довольно остроумный выход. По его мнению, эти города вплоть до эпохи Дмитрия Донского «не были еще совершенно присоединены к Московскому княжению»⁵. Как известно, в XIV в. московские князья одновременно занимали два княжеских стола – собственно московский, являвшийся для них родовым владением, и великокняжеский во Владимире, право на который они получали по ханскому ярлыку. По мнению историографа, Калита приобретением этих трех городов расширял не собственно московские владения, а великокняжеские пределы: «сии уделы до времен Донского считались великокняжескими, а не московскими: потому не упоминается об них в завещаниях сыновей Калитиных»⁶. Действительно, хотя и Иван Калита, и его сыновья являлись великими князьями Владимирскими, в их завещаниях никогда не определялись судьбы великого княжения, распоряжение которым зависело исключительно от воли хана, а лишь упоминались отдельные княжеские села на его территории. И только внук Калиты, через несколько лет после знаменитой Куликовской битвы, ознаменовавшей начало заката ордынского влияния, смог включить в текст своего завещания 1389 г. многозначительную фразу: «А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великим княженьем»⁷. Именно сразу после нее идет процитированный выше нами текст о Галиче, Белоозере и Угличе. Тем самым Дмитрий Донской ясно показывал, что теперь не хан, а московский князь имеет полное право распоряжаться как всем великим княжением, так и отдельными его частями.

Однако эта внешне очень логичная и стройная схема, казалось бы полностью объяснявшая отсутствие упоминаний об этих трех городах в завещаниях Калиты и его сыновей, имела один небольшой изъян, на который указал С.М. Соловьев: «Карамзин делает предположение, что эти прикупы принадлежали не к Москве, но к великому княжению Владимирскому. Но как мог Калита прикупать к великому княжению, которое вовсе не принадлежало в собственность его роду и по смерти его могло перейти к князю Тверскому или Нижегородскому? Это значило бы обогащать других князей на свой счет». Он же обратил внимание и на другое обстоятельство – на протяжении почти всего XIV в. русские летописи продолжают по-прежнему упоминать самостоятельных галичских и белозерских князей, что поневоле создается впечатление, что никаких покупок их стольных городов Калита не совершал. На взгляд историка, «дело объясняется тем, что Калита купил эти города у князей, но оставил еще им некоторые права владительных, подчиненных, однако, князю Московскому, а при Дмитрии Донском они были лишены этих прав»⁸.

Мнение С.М. Соловьева поддержал В.О. Ключевский: «Покупая села и деревни в чужих уделах, Иван Калита купил целых три удельных города с округами, – Белозерск, Галич и Углич, оставив, впрочем, эти уделы до времени за прежними князьями на каких-либо условиях зависимости». При этом он выделял их, наряду с удельными, в особую группу так называемых окупных князей, «у которых великий князь покупал их уделы, оставляя за ними пользование их бывшими вотчинами с известными служебными обязательствами»⁹.

Б.Н. Чичерин попытался соединить точку зрения Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева: «Из духовной Дмитрия Ивановича мы узнаем, что дед его купил целые княжества – Галич, Углич, Белоозеро, но местные князья оставались пока в своих владениях, неизвестно на каких правах, и только при внуке Калиты земли эти присоединены были к Москве. Поэтому, вероятно, о них и не говорится в прежних духовных»¹⁰.

Более радикально решал эту проблему В.И. Сергеевич. Касаясь предположения С.М. Соловьева, что московский князь, приобретя эти земли, оставил за прежними владельцами некоторые права, он писал: «Вещь возможная, что Калита оставил свои купли за князьями-продавцами, обязав их службой себе и детям»¹¹. И тут же он приводит аналогичный пример, встречающийся во второй духовной грамоте Калиты, когда купленное в Ростове село князь отдает некоему Борису Воркову под условием службы себе и детям¹². Но тут возникает неустраняемое препятствие – если Калита в своем завещании, «в котором не забыт даже прикупленный кусок золота», упоминает отдельное купленное село, то как же он смог забыть целых три княжества?¹³

Пытаясь найти хоть какое-то логическое объяснение этому противоречию, В.И. Сергеевич предпринял в целом верный ход – необходимо проследить историю этих княжеств на протяжении полувека, прошедшего от смерти Калиты до составления завещания его внука. Это было сделано им применительно к Галичу. И здесь обнаружились интересные подробности. Под 1363 г. Никоновская летопись сообщает о том, что Дмитрий Донской согнал Дмитрия Галицкого с его княжения¹⁴. Спустя несколько лет, в начале 70-х гг. XIV в., была составлена договорная грамота между Дмитрием Донским и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским. И хотя она дошла до нас в очень дефектном состоянии, все же из ее текста можно выяснить, что в момент ее составления Галич находился в уделе Владимира Серпуховского¹⁵. Затем, если судить по завещанию 1389 г. самого Дмитрия, Галич снова оказался в руках московского князя¹⁶. Таким образом, можно предположить, что этот город был приобретен Дмитрием Донским в промежуток между началом 70-х гг. XIV в. и 1389 г.

Анализируя эти известия, В.И. Сергеевич пришел к выводу, что язык официальных актов (а именно таковым является духовная грамота Дмитрия) не отражает действительных способов приобретения собственности и может объясняться «желанием замаскировать такие действия, которые князья и сами не могли считать вполне правыми». По мысли историка, здесь «может быть, не обошлось без некоторого насилия и, пожалуй, клятвопреступления». Действительно, по имеющимся источникам может сложиться впечатление, что сначала Дмитрий силой отнимает Галич у местного князя, затем отдает его в удел своему кузену, за которым признает наследственные права на него, а потом снова отбирает в свою пользу. Объявляя Галич «куплей» своего деда, Дмитрий Донской тем самым в официальном документе маскировал истинные способы его приобретения¹⁷.

Следующим обратился к этой проблеме А.Е. Пресняков, посвятивший целый параграф своей монографии вопросу, по выражению историка, о «пресловутых куплях» Калиты¹⁸. По недостатку данных, он не смог решить этой проблемы. Он лишь обратил внимание на внутреннее членение духовной грамоты 1389 г. Дмитрия Донского – за первой ее частью, где исчерпано определение уделов пяти сыновей Дмитрия в их московской вотчине, следует особая часть, посвященная территории великого княжения. Для нас важны новые методологические подходы, которые он предложил для исследования вопроса. Его необходимо было изучать не в рамках «традиционного представления, что деятельность Ивана Калиты направлена на „мозаичное собирание земель“, что территория Московского государства – „плод полуторавековых скопидомных усилий московских князей по собиранию чужих земель“, если выражаться словами В.О. Ключевского». По мнению А.Е. Преснякова, «не землю собирали московские

князя, а власть; не территорию своей московской вотчины расширяли, а строили великое княжение, постепенно и упорно превращая его в свое „государство“»¹⁹. Он указал, что с землей были связаны не только частновладельческие, но и определенные княжеские права²⁰.

Идеи А.Е. Преснякова оказались весьма плодотворными. Уже в 1923 г. С.Ф. Платонов в своей работе «Прошлое русского Севера», ссылаясь на материалы И.И. Срезневского для словаря древнерусского языка, указал на многозначность слова «купля», означавшего не только покупку, торговлю, но и место торгова, а также договор и, наконец, сокупление, соединение. Поэтому этим термином можно было обозначить как приобретение каких-либо вещей путем торгова за деньги или иные ценности, так и форму добровольного присоединения удельного владельца с его земельными владениями к Москве. Иногда эти присоединения были «даже не завоеванием после открытой и честной борьбы, а простым захватом по праву силы». К ним С.Ф. Платонов относил «купли» на Галиче и Белоозере. Очень важным являлось наблюдение, что указанные три княжества отнюдь не были единственными «куплями» московских князей. Они продолжали использовать этот способ присоединения и в XV в. В их последующих завещаниях мелькает масса «прикупов» и «купель», самыми известными из которых являлись приобретенные окончательно в XV в. Ярославль и Ростов²¹.

Довольно любопытную версию объяснения «купель» Калиты дал череповецкий историк-краевед Г.И. Виноградов. Пытаясь объяснить, почему в завещаниях как самого Калиты, так и его сыновей нет ни единого слова о Белоозере, он предположил, как одну из возможных, гипотезу о «предварительной сделке», или, «как говорят, на запродажу»²².

М.К. Любавский постарался развить эти мысли. Вслед за В.И. Сергеевичем он попытался проследить исторические судьбы Галича, Белоозера и Углича до их присоединения к Москве и выдвинул гипотезу, что «Калита выручил князей Углицкого, Галицкого и Белозерского, внося за них ордынские недоимки, но за то названные князья должны были поступиться в его пользу своей самостоятельностью, низойти на положение служебных князей, держащих свои отчины по милости князя Московского, под условием службы ему. Так как при этом ни Калита, ни его преемники до Донского не брали княжеств в свое непосредственное владение и управление, то эти княжества и не фигурируют в числе волостей, отказываемых по духовным грамотам московских князей». Как бы полемизируя с В.И. Сергеевичем, напоминая, что Калита не забыл внести в свое завещание даже прикупленный кусок золота, он выдвинул предположение, что «фактическое владение Калиты было гораздо больше того комплекса городов, волостей и сел, который обозначен в его духовных грамотах. Духовные грамоты Калиты не имели в виду распределения между женой и детьми всего, чем он владел, а лишь того, что в данный момент он мог считать общим семейным достоянием своей семьи»²³. И действительно, он сразу же нашел подтверждение своим словам. Так, вторая духовная грамота сына Дмитрия Донского – Василия I упоминает «прадеда своего (то есть Калиты. – К. А.) примысль в Бежицкомъ Верее Кистьму», которая так же, как Галич, Углич и Белоозеро, не упоминается в завещании Калиты²⁴.

А.Н. Насонов, так же как и А.Е. Пресняков, попытался посмотреть на проблему с точки зрения формуляра духовной грамоты Дмитрия Донского. По его мнению, она явственно различает, с одной стороны, собственно великое княжение, к которому относит Кострому и Переславль, а с другой, Галич, Углич и Белоозеро, о которых говорит только, что они «купли деда» Донского. Тем самым отвергается предположение, что указанные города были присоединены к великому княжению. К тому же мы видим в

Галиче и Белоозере по-прежнему местных князей. В целом же, пройдя мимо гипотезы М.К. Любавского, он склонялся к выводам В.И. Сергеевича, указав, что именно с середины XIV в., с началом ордынских смут Москва начинает подчинять силой русских князей²⁵.

Подводя в 30-х гг. XX в. итоги изучения вопроса о «куплях Ивана Калиты», Е.Ф. Шмурло в своем историографическом обзоре должен был констатировать, что со времен Н.М. Карамзина историки так и не смогли решить эту загадку²⁶. Все это свидетельствовало о необходимости искать новые подходы к решению проблемы.

Их попытался найти А.И. Копанев. Критикуя взгляды В.И. Сергеевича и А.Н. Насонова, он писал о том, что выражение «купля деда» относительно Галича в завещании Дмитрия Донского вряд ли можно трактовать как своеобразную маскировку насильственного сгона им со своего княжения местного князя в 1363 г. Это не находит своего подтверждения в источниках. В 1362–1363 гг. великий князь согнал с княжения еще одного мелкого князя – Ивана Стародубского и присоединил его удел к своим владениям. Судьба Стародуба, таким образом, была одинакова с судьбой Галича, однако Стародуб не упомянут среди «купель деда», то есть здесь великокняжеская власть почему-то не прибегла к столь удобной, казалось бы мотивировке свершившегося факта²⁷.

Заслугой А.И. Копанева стало то, что он впервые перевел из теоретической плоскости в практическую вопрос о том, владел ли в действительности Калита своими «куплями», или же они стали собственностью московских князей лишь при Дмитрии Донском. Для этого он привлек данные генеалогии, в частности родословное предание Аничковых. Оно дошло до нас как приписка XVII в. к Никоновской летописи (в списке Оболенского). Судя по нему, к Ивану Калите из Большой Орды выехал царевич Берка, которого митрополит Петр крестил с именем Аникий. «...Князь велики Иванъ Даниловичъ Калита даша ему вотчинъ и поместей множество и пожалова ево Белымъозеромъ подъ Микулою Воронцовымъ и сверхъ ему Микулы пожаловаль гостиную пошлину». Разбирая этот источник, А.И. Копанев, хотя и обнаружил в нем ряд несоответствий с хронологией, в целом нашел его заслуживающим доверия, особенно в тех деталях, которые не имело смысла придумывать, в частности о добавке гостинной пошлыны при получении кормления на Белоозере. На взгляд исследователя, этот источник важен тем, что показывает наличие фактического владения московских князей на Белоозере уже в достаточно ранний период²⁸.

Но каким же образом московские князья закрепились на Белоозере? Изучая родословные росписи и предания, А.И. Копанев выяснил, что современник Калиты белозерский князь Федор Романович был женат на его дочери Федосье. По мнению историка, этим браком Калита подчинял белозерского князя. «Брал ли Федор Романович при заключении брака какие-либо обязательства на себя, – не известно. Но ясно одно, брак великокняжеской дочери с князем слабого удела означал еще большее подчинение последнего. Удел был подчинен Москве, судьба его была предрешена»²⁹. Весьма знаменательным оказывается для него, что подобные родственные связи можно проследить в связи с другой «куплей» Калиты. Угличский стол после смерти в 1320 г. бездетного угличского князя оказался выморочным и перешел к ростовскому князю Константину Васильевичу, женившемуся в 1328 г. на другой дочери Калиты – Марии. «Родственные отношения и в данном случае выражали лишь подчиненное положение ростовского князя. Это очевидно из того, что в Ростов Калита посылает своего наместника боярина Василия Кочеву, который был там полновластным хозяином. История с ростовским князем интересна еще и тем, что она напоминает нам Белоозеро – ведь на Белоозере сидел также зять Ивана Калиты, князь Федор Романович, когда Калита жалует Белоозером своего приближенного. Приведенные факты свидетельствуют, что купли Ивана Калиты были важным этапом в процессе возвышения Москвы», – заключает ученый³⁰.

Но что же тогда в этом случае обозначает слово «купля»? Ответа на этот вопрос А.И. Копанев дать не смог.

Он лишь осторожно высказался по поводу того, что в завещании Дмитрия Донского «за „куплями“ в каждом из трех случаев мыслился определенный успех политики Ивана

Калиты, который давал право внуку указать на купли как на основание своих политических действий»³¹.

Практически одновременно с А.И. Копаневым по этому вопросу выступил Л.В. Черепнин. Соглашаясь с М.К. Любавским, что завещание Калиты фиксирует далеко не все его владения, он выдвинул довольно остроумное предположение. Как известно, сохранились две духовные грамоты Ивана Калиты. Они практически повторяют друг друга, за исключением того, что вторая, кроме перечисления собственно московских владений, дает также описание княжеских сел на территории великого княжения. К тому же к ней, по мнению историка, была привешена ордынская печать. Он предположил, что обе грамоты являются вариантами одного и того же княжеского завещания, которое утверждалось ханом в Орде. Задоблив ордынских вельмож подарками, исправным и своевременным поступлением дани, Калита добился того, что хан утвердил более обширный второй вариант грамоты. «Возможно предположить, – писал он, – что существовал какой-то третий проект духовной Ивана Даниловича Калиты, в котором говорилось о его „куплях“ на территории Галича, Белоозера, Углича», Очевидно, именно его имел в виду Дмитрий Донской, говоря о «куплях деда». По мнению Л.В. Черепнина, третий вариант духовной грамоты не был утвержден в Орде, поскольку с какими-то претензиями выступили местные князья³². При этом, в подтверждение своей версии, историк сослался на один летописный эпизод. Под 1339 г. Первая Новгородская летопись сообщает, что «думую Калиты» хан Узбек вызвал в Орду русских князей. Когда туда отправился Василий Давыдович Ярославский, Иван Калита почему-то пытался «переимать» его по дороге³³. Смысл этого поступка оставался непонятным. Но если учесть, что по свидетельству Тверской летописи вместе с Василием Ярославским отправился и Роман Белозерский³⁴, то, по мнению Л.В. Черепнина, все становится ясным. Калита утверждал свое завещание в 1339 г. Предвидя споры в Орде относительно своих сделок по белозерским владениям, московский князь устроил по дороге засаду своему противнику. Но это у него не получилось, и в итоге третий вариант завещания так и не был утвержден³⁵.

Это предположение было практически сразу же отвергнуто А.И. Копаневым, указавшим, что в завещании Дмитрия Донского речь идет не о покупке отдельных сел на территории Белоозера, Галича и Углича, как думал Л.В. Черепнин, а о «купле» целых княжений³⁶. Впрочем, позднее и сам Л.В. Черепнин более не настаивал на своей версии, осторожно предположив вариант, когда земли покупались у вотчинников «с оставлением приобретенной недвижимости в наследственном владении последних». Возможно, что-то подобное было и в случае с этими тремя городами. «Галич, Белоозеро и Углич могли перейти (на основе сделки великого князя с местными князьями) к Калите, как верховному собственнику, однако галичский, белозерский и угличский князья сохранили какие-то права владения и управления этими землями на началах подчинения великокняжеской власти. Наряду с местными князьями в названных городах могли появиться и великокняжеские наместники»³⁷.

Идеи А.И. Копанева относительно «купли» Белоозера поддержал вологодский историк Т.И. Осьминский. По его мнению, «уже Иван Калита, опекун малолетнего белозерского князя Федора Романовича, женил его на своей дочери Феодосии и сделал вассалом Москвы. По некоторым сведениям, он держал здесь даже своих наместников. Его внук, Дмитрий Донской, еще более усилил эту зависимость, а после Куликовской битвы, в которой пали белозерский князь Федор Романович и его сын Иван, он присоединил Белоозеро к Москве»³⁸.

Вновь вопрос о «куплях» Ивана Калиты был поднят в 1974 г. профессором Парижского университета В.А. Водовым, внимательно рассмотревшим в специальной статье версии предшественников. Развивая мысль С.Ф. Платонова о том, что термин «купля» многозначен, он решил выяснить, в каких значениях он употребляется в актовых источниках конца XIV–XV в.

В результате их изучения он пришел к выводу, что: 1) в соединении с определением этот термин всегда обозначает лишь конкретную недвижимость, приобретенную путем покупки; 2) величина подобной собственности достаточно мала и не превосходит размеры волости; 3) слово «купля» не применяется без особых оговорок при указании владений, приобретенных предками лица, от чьего имени составляется документ. Поэтому упоминание Галичского, Белозерского и Угличского княжеств в завещании 1389 г. Дмитрия Донского представляется ему исключением из правил. Такие большие территории никогда не назывались «куплями», а кроме того, на «купли» деда не делались столь глухие ссылки. При этом, правда, В.А. Водов не учитывал того, что акты этого времени сохранились в основном в составе монастырских архивов и содержат по преимуществу сведения о сделках частных лиц с монастырями. Размеры их владений были заведомо небольшими.

Как указал еще С.Ф. Платонов, одно из значений слова «купля» – договор или союз. Но, по мнению В.А. Водова, в этом значении термин «купля» встречается только в источниках неактового характера. (В скобках заметим, что тем самым под сомнение ставится мнение А.И. Копанева.)

В.А. Водов попытался исследовать этот вопрос и с юридической точки зрения, изучая формуляр княжеских завещаний. На его взгляд, расположение известия о «куплях» в тексте завещания 1389 г. является уникальным. Во-первых, эти города указаны не среди собственно московских владений, а после статьи о наследовании Владимирского великого княжения, выступая как часть последнего, во-вторых, «купли деда» упоминаются после всех других территорий, то есть там, где обычно перечисляются приобретения самого завещателя.

Рассмотрел он и политическое положение указанных трех княжеств в середине и во второй половине XIV в., в частности как оно освещается в летописях, а конкретно в официальном московском летописании. Московский летописный свод 1479 г., отразивший официальную точку зрения Москвы, молчит по поводу насильственных действий Дмитрия Донского в отношении Галича, Белоозера и Углича, хотя по другим «немосковским» известиям нам известно, что в 1363 г. Дмитрий согнал галичского князя с его стола. Отсюда он делает логический вывод, что присоединение этих княжеств явилось делом рук Дмитрия Донского, а встречающееся в его завещании выражение «купля деда» является не чем иным, как маскировкой действительного способа их приобретения. Основной причиной подобной формулировки, по В.А. Водову, явилась необходимость сделать менее спорными права московской династии на присоединенные княжества, отнеся их к числу наследственных владений. Тем самым он присоединился к точке зрения В.И. Сергеевича и А.Н. Насонова³⁹.

В том же году к вопросу о «куплях» Калиты в связи с историей Галичского княжества обратился В.А. Кучкин. Как бы полемизируя с В.А. Водовым, он поставил вопрос – принадлежал ли Галич московским князьям до Дмитрия Донского, или же приобретение этого княжества было делом рук последнего. Однозначный ответ дает надпись на так называемом Галицком Евангелии XIV в. Писец, закончив переписывать книгу, сделал в ее конце приписку: «В лето 6865 (1357) индикта 10-е, кроуга солнечного 6-е, месяца февраля 22 на память святого отца Офонася написано бысть святое еуангелъе въ граде в Галиче *при княженъи великого князя Ивана Ивановича*, роукою грешного Фофана. Оже буду не исправил в коемъ месте, исправя, бога деля чтите, а не кленете»⁴⁰. Это указание на то, что в Галиче княжил еще отец Дмитрия Донского – великий князь Иван Иванович Красный, полностью разбивало трактовку, что этот город был присоединен только при Дмитрии Донском, а термин «купля» в его завещании явился лишь маскировкой насильственного захвата.

Но почему же Иван Красный, реально княживший в Галиче, не указал его в своей духовной грамоте? Опираясь на упомянутую выше договорную грамоту начала 70-х гг. XIV в. между Дмитрием Донским и Владимиром Андреевичем Серпуховским, В.А. Кучкин попытался доказать, что вплоть до этого времени Галич имел определенную территориальную обособленность,

не входя в состав московских и великокняжеских владений. Об этом должна была свидетельствовать фраза из этого договора: «А рубежъ Галичю и Дми[трову как был при нашемъ деде при великом князи] при Иване (Калите. – К. А.) и при наших отцехъ при великих князех...»⁴¹ Если это так, то Галич был присоединен к Москве еще при Калите, но каким-то особым способом. Идя вслед за М.К. Любавским, В.А. Кучкин предположил, что это связано с политикой Орды на Руси. Но если его предшественник полагал, что Калита вносил за мелких князей ордынские недоимки, заставляя поступаться частью своих прав, то В.А. Кучкин пошел еще дальше. Сам термин «купля» подсказывает, что речь идет о какой-то покупке. По его мнению, в XIV в. русские князья получали княжества по ханским ярлыкам, которые можно было купить. И действительно, в Рогожском летописце под 1392 г. он нашел вроде бы подтверждающее известие. На взгляд историка, именно подобным образом Москвой был приобретен Нижний Новгород. По словам летописи, сын Дмитрия Донского Василий I «поиде въ Орду къ царю къ Токтамышу и нача просити Новагорода Нижняго... Безбожный же татарове взяша и серебро многое и дары великии, и взя Нижнии Новыград златом и серебром, а не правдою»⁴².

Тем самым, подразумевая под «куплей» покупку Калитой ханского ярлыка на мелкие княжества, историк объяснял существование Галича как самостоятельной территориальной единицы и почему Калита и его сыновья не включали этот город в свои завещания. На его взгляд, аналогичная ситуация с покупкой ярлыков имела место в Угличе и на Белоозере, которые подобным образом также перешли под власть Калиты. В отношении Белоозера он ссылаясь на воспрепятствование Калитой поездке в Орду белозерского князя в 1339 г. Возможно, это делалось, на его взгляд, потому, что последний ехал к хану хлопотать о ярлыке на свою вотчину⁴³. Позднее он даже попытался определить время возможной покупки Галича Иваном Калитой. По его мнению, это событие следует приурочить к 1336 г. Годом раньше умер князь Федор Галицкий, а в 1336 г. Иван Калита ходил в Орду, откуда зимой 1336/37 г. вернулся «съ пожалованиемъ въ свою отчину»⁴⁴, «Не заключалось ли это „пожалование“ в получении им ярлыка на Галич? – задал вопрос исследователь»⁴⁵.

Одновременно с В.А. Кучкиным по этому вопросу выступил и С.М. Каштанов. Полемизируя с В.А. Водовым, считавшим, что термин «купля» не превосходит размерами волости, он привел примеры того, что под этим термином понимались и гораздо большие территории. Так, последний ярославский князь Александр Федорович «прода Ярославль»⁴⁶. В княжеских договорных грамотах XV в. в качестве «купли» фигурируют, например, Романов городок и Венев⁴⁷.

Как бы в противовес В.А. Кучкину он выдвинул свою гипотезу, обратив внимание на то, что в духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского употребляются следующие выражения: «своего деда куплею, Галичем, со всеми волостми...», «куплею же деда своего, Белымозеромъ, со всеми волостми...», «куплею же своего деда, Оуглечим полем, и что к нему потягло»⁴⁸. Встречающийся здесь термин «волость» помимо своего основного значения в смысле территориальной единицы, в XIV в. имел несколько других значений, одно из которых означало городские доходы. Именно в этом смысле он упоминается в одном месте завещания Калиты: «А из городьскихъ волостии даю княгини своей осмничею. А тамгою и иными волостми городьскими поделятся сынове мои»⁴⁹. По мнению С.М. Каштанова, первоначально Калита приобрел не все три княжества целиком, а только указанные стольные города. При этом слово «купля», скорее всего, выражало право посылки данщиков и таможенников в центр «купленного» княжества и равнялось взятию на откуп основных сборов в главных городах княжеств за определенное вознаграждение князьям – владельцам. Отсюда непрочность пребывания Галича, Белоозера и Углича в руках Калиты и его сыновей, отсутствие у них права передачи этих земель по наследству. И только при Дмитрии Донском вся остальная территория княжеств была окончательно

присоединена к Москве, а редактор его второй духовной грамоты использовал слово «волость» не в узком значении городских доходов, а в более широком, территориальном смысле⁵⁰.

Идеи В.А. Кучкина и С.М. Каштанова попытался объединить Н.С. Борисов. По его мнению, «скорее всего, Иван Данилович купил в Орде ярлыки, дававшие ему право на пожизненное управление этими областями», ибо местные князья «не в состоянии были своевременно и в полной мере платить положенную дань в ханскую казну. Московский князь взял на себя их долги и платежные обязательства, а за это получил право верховной власти над огромными лесными территориями»⁶¹. Понятно, что получение только права сбора дани с указанных княжеств не предполагало создания прочной территориальной власти и включения этих земель непосредственно в состав Московского княжества. Тем самым становится понятным – почему еще через много лет после эпохи Калиты упоминаются, к примеру, самостоятельные белозерские князья, и снимается вопрос, почему эти земли не включались в духовные грамоты московских князей Семена Гордого и Ивана Красного⁵².

Развивая эти мысли, Ю.В. Кривошеев предложил посмотреть на проблему «купель» в плоскости даннических отношений с Ордой. Сразу после монгольского нашествия ханы Золотой Орды сделали упор на сбор дани с русских земель собственными силами. При этом он отдавался на откуп мусульманским купцам, которые, вероятно, сразу вносили в ханскую казну заранее оговоренную сумму, а затем при помощи татарских отрядов собирали ее с покоренных земель, не забывая при этом о своей выгоде. Многочисленные злоупотребления и поборы вызывали восстания, и ханы были вынуждены поручить сбор дани русским князьям. Очевидно, что это право получили в первую очередь князья, занимавшие стол Великого княжения Владимирского. Заинтересованные в том, чтобы, по возможности, выплачивать дань за счет соседей, они, так же как и их предшественники, осуществляли сбор дани по системе откупов. Именно в этом ключе следует рассматривать широко известный рассказ о действиях москвичей в Ростовской земле, содержащийся в Житии Сергия Радонежского. В 1328 г. там «наста насилдование, сиречь княжение великое досталось князю великому Ивану Даниловичю, купно же и досталось княжение Ростовское к Москве. Увы, увь и тогда граду Ростову, паче же и князем ихъ, яко отъяся от нихъ власть, и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся прочаа потягну къ Москве». И далее автор Жития описывает все насилия москвичей⁵³.

Несомненно, что ростовский эпизод был связан со сбором ордынской дани. Но князья собирали дань не только в Ростове, но и в других мелких княжествах, таких как Бело-озеро, Галич и Углич. Таким образом, под «куплями» Калиты следует понимать не покупку собственно территории княжеств, как административно-политических единиц Руси, а передачу права сбора дани, что широко практиковалось. При этом утрата политических прав местных князей была относительной. «Эти земли сохраняли возможность самостоятельного внутреннего развития, но были подчинены Москве в военно- и внешнеполитическом значении: соответственно в походах московских князей выступала местная рать, и сношения с Ордой осуществлялись „через“ Москву. Отсюда действительно имела место „непрочность“, неопределенность их статуса, что связано с временностью, эфемерностью этих „владений“»⁵⁴.

Пожалуй, последним на этот счет выступил А.А. Горский. Высказав сомнение, что под «куплями» Ивана Калиты следует понимать покупку ярлыков на них в Орде, он предположил, что в данном случае следует вести речь о покупке у местных князей какой-то части их суверенных прав на свои владения»⁵⁵.

Подводя итог высказанным в литературе суждениям по вопросу о «куплях» Ивана Калиты, можно лишь констатировать то, что проблема эта до сих пор не решена. Несмотря на то что по данному поводу было высказано немало интересных соображений и взглядов, они остаются всего лишь логическими построениями, выстроенными с той или иной степенью стройности. В каждой из составленных подобным образом конструкций можно найти внешне

неприметный изъян, который опровергается имеющимися источниками. В результате этого все логическое построение теряет свою устойчивость и оказывается не более чем игрой ума, ничего общего не имеющего с исторической действительностью. Особенно хорошо это видно, когда оцениваешь размеры существующей в распоряжении историка Источниковой базы. Раскрыв указатель к первым восьми томам «Полного собрания русских летописей», видим, что за весь XIV в. имеется всего лишь девять известий по истории Белоозера и, соответственно, шесть – Галича и четыре – Углича⁵⁶. В этих условиях исследователи, строя различные гипотезы, вынуждены оперировать лишь очень ограниченным набором одних и тех же фактов. Выявление всего лишь одного нового известия моментально ломает прежние, казавшиеся непоколебимыми версии и заставляет искать новые объяснения этой загадки.

Постановка задач для дальнейшего исследования

Признание того факта, что скудость имеющихся летописных известий по истории указанных трех городов в XIV в. не позволяет решить проблему «купель Калиты» только на их материале, вовсе не означает того, что данный вопрос не имеет решения.

Исследователь русского Средневековья в чем-то сродни палеонтологу. Подобно тому как тот воссоздает облик доисторических ящеров по небольшим фрагментам окаменевших частей скелета, так историк реконструирует прошлое по отдельным свидетельствам уцелевших исторических источников. Сходство между двумя представителями ученых специальностей только усилится, если мы обратим внимание на удручающее состояние Источниковой базы, имеющейся в распоряжении историка, изучающего XIV в. Разрозненные фрагменты летописания в составе более поздних летописных сводов, небольшое количество актов, несколько литературных памятников – вот, собственно, и все то, что сохранилось от этого времени после многочисленных пожаров и вражеских нашествий. Так же как и палеонтолог реконструирует внешний облик доисторических животных по их окаменевшим отдельным, весьма незначительным останкам, так и историк должен воссоздавать ушедшее время по небольшим кусочкам от когда-то существовавшего корпуса источников.

Между тем палеонтологи уже давно выработали свой метод исследования. Создатель современной палеонтологии Жорж Кювье обратил внимание на обстоятельство чрезвычайной важности, которое тем не менее до него оставалось незамеченным: для существования каждого животного необходимо, чтобы развитие каждого его органа находилось в известном соотношении с развитием других его органов. Для наглядности поясним это положение на конкретном случае. Например, для существования наземного хищного зверя необходимо, чтобы он мог добывать себе добычу, то есть прежде всего имел органы, необходимые для схватывания и растерзания добычи, то есть сильные, острые когти и соответственным образом измененные зубы, затем органы движения, пригодные для быстрого передвижения. Так как форма и длина конечностей определяется формой и длиной костей, сообразно этому должна быть развита и мускулатура. Далее, кишечный тракт должен быть приспособлен для переваривания мяса, употребляемого в пищу, – поэтому кишечник хищника не должен быть длинен и занимать много места. Весь зверь не может быть толстым и массивным, а должен быть легким и стройным и т. д. Таким образом, нанизывая одно на другое эти соображения, как звенья непрерывной цепи, и вместе с тем развивая их, как следствия из первоначальной посылки, палеонтолог может воссоздать весь облик зверя, имея в своем распоряжении всего лишь один его орган. Так, зная только зубы, можно сказать, чем и как питалось животное, это, в свою очередь, дает возможность составить себе представление о его конечностях и т. п. Таким образом, метод исследования, предложенный Ж. Кювье, дает возможность на основании знакомства с одной частью судить о целом организме⁵⁷.

Аналогичный метод должен использовать и историк. Можно предположить, что наряду с загадочными «куплями» Калиты в это же время существовали и другие «купли», сведений о которых сохранилось больше, нежели по истории Галича, Белоозера и Углича, а это, в свою очередь, даст возможность выяснить, что следует понимать под этим термином. Полученные подобным способом результаты можно будет соотнести с интересующими нас городами. Тем самым у нас в руках оказывается та путеводная нить, с помощью которой можно будет разгадать ту проблему, над которой задумывались поколения историков.

В правильности данного метода исследования легко убедиться, обратившись к духовным и договорным грамотам московских князей XIV–XV вв., из которых выясняется, что Галич, Углич и Белоозеро были не единственными приобретениями подобного рода для представителей московского княжеского дома. Различного рода «купли» широко встречаются в их гра-

мотах. Так, во второй духовной грамоте 1339 г. Ивана Калиты названо «село Павловское, бабы наше *купля*...»⁵⁸. В завещании 1353 г. Семена Гордого среди сел, передаваемых его жене, встречается «в Перьяславле *купля* моя село Самаровское...»⁵⁹. Духовная грамота 1389 г. Дмитрия Донского упоминает «княгини мое *купля* Лохпо...»⁶⁰. Подобный перечень легко расширить и по известиям этих грамот в XV в. Размеры этих приобретений различны – иногда это лишь отдельные села или волости⁶¹. Но помимо таких мелких приобретений духовные и договорные грамоты знают и более крупные «купли», охватывающие значительные территории. Это – Мещера⁶², Романов городок⁶³, Венев⁶⁴. Летописи добавляют к ним Ростов⁶⁵ и Ярославль⁶⁶. Относительно некоторых из этих приобретений источники упоминают не только имя «покупателя», как в случае с Галичем, Угличем и Белоозером, но и «продавца». К примеру, в духовной грамоте Василия Темного читаем: «А что ее *купля* городок Романов... что себе купила оу князя оу Семена и оу князя оу Василья оу Шохонских, ино то се и есть, в то ся дети мои оу нее не вступают»⁶⁷.

Тем самым терпит крах версия В.И. Сергеевича и А.Н. Насонова, что термином «купля» можно было скрыть «действительные способы» приобретения этих владений. «Купля» Борисоглебской половины Ростова летописью датируется 1474 г., то есть всего за несколько лет до полной ликвидации ордынской зависимости. Следовательно, теряет смысл объяснение М.К. Любавским и В.А. Кучкиным «купли» как своего рода закладной операции за своевременную уплату ордынской дани или покупку ханского ярлыка. Важным представляется и то наблюдение, что «куплей» могли именоваться приобретения не только князей, но и бояр. Так, в завещании 1451 г. великая княгиня Софья Витовтовна упоминает свой московский двор, который она «променила есмь была Ивану Старкову на его *куплю*, на Степановский двор Дмитриевича и его детей, Григориевъ и Федоровъ, на Подоле...»⁶⁸.

В литературе, еще со времен Н.М. Карамзина, было отмечено, что в завещании 1389 г. Дмитрий Донской впервые называет Владимирское великое княжение «своею отчиною»⁶⁹. Но являлись ли для него такой же «отчиною» Галич, Углич и Белоозеро? Формально на этот вопрос можно ответить только положительно: из текста завещания видим, что московский князь свободно распоряжается этими владениями, а из процитированных выше наблюдений историков известно, что по крайней мере двумя из этих городов – Белоозером и Галичем – владели еще его дед Иван Калита и отец Иван Красный. Однако Дмитрий Донской называет эти свои владения не «отчиною», а «куплей». Объясняется это тем, что, по данным все тех же духовных и договорных грамот, в XV–XVI вв. существовала тонкая юридическая грань между двумя, на первый взгляд, равнозначными понятиями. Практика этого времени не смешивает понятий «вотчина» и «купля» и выделяет последнюю в особый вид владения, когда говорит о «вотчинах и куплях» князей и бояр⁷⁰. Отсюда логически вытекает и дальнейший путь исследования – для того чтобы понять, что Дмитрий Донской вкладывал в понятие «купли своего деда», необходимо выяснить – чем в юридическом плане отличалась вотчина от купли. Поняв эту особенность последней, мы легко поймем – каким образом Калита приобрел эти три владения и почему ни он, ни его дети не указывали их в своих завещаниях. Для этого нам нужно обратиться к истории других подобных приобретений московских князей, которые по размерам сопоставимы с интересующими нас «куплями» Ивана Калиты. В первую очередь речь должна пойти о «купле» Дмитрия Донского – Мещере, хотя бы в силу того, что по времени упоминание о ней крайне близко к интересующему нас его завещанию 1389 г.

Глава 1 Мещера

Князья Мещерские

К 1381 г.⁷¹ (или, по другой датировке, к 1382 г.⁷²) относится договорная грамота великого князя Московского Дмитрия Донского и великого князя Рязанского Олега Ивановича. Одна из ее статей гласит: «А что *купля* князя великого Мещера, как было при Александре Уковиче, то князю великому Дмитрию, а князю великому Олгу не вступатися по тот розъезд»⁷³.

Каким образом Мещера вошла в состав московских владений и у кого «купил» ее Дмитрий Донской? Историки обратили внимание, что в числе родов русской знати известен род князей Мещерских, чья родовая фамилия указывает на происхождение из этого края. Согласно их родовому преданию, попавшему в «Государев родословец» 1555 г., их предки когда-то начали войну с Большой Ордой, но были вынуждены откочевать по Волге к северу. В 6606 г. (по счету лет от Сотворения мира) один из них, князь Ширинский Бахмет, Усейнов сын, пришел в Мещеру, взял ее войной и «засел» здесь. В Мещере у него родился сын Беклемиш, крестившийся с именем Михаил и построивший в Андреевом городке храм Преображения. У Михаила Беклемиша были сын Федор и внук Юрий, последний из которых пришел на помощь к Дмитрию Донскому во время Куликовской битвы со своим полком. В сражении на Дону Юрий был убит, а род продолжил его сын Александр Юрьевич, который «остался после отца своего молод с матерью», как уточняет один из частных родословцев. В свою очередь, у Александра Юрьевича был сын Константин, от сыновей которого пошли две главные ветви рода⁷⁴.

Насколько достоверным может считаться родословное предание князей Мещерских? Исследователями дата родословцев, содержащаяся в Бархатной книге, – 6606 г., или, по нашему счету, 1098 г., была сразу же отвергнута, ибо в конце XI в. Орды еще просто не существовало. Когда же это могло произойти? Судя по родословцам, основной поток татарских выходцев на Русь пришелся на время княжения Дмитрия Донского – эпоху «великой замятии» в Золотой Орде и начала ее распада на отдельные ханства. И действительно, первым по времени источником, где встречаются мещерские князья, является московско-рязанский договор 1381 г., где упоминается Александр Укович. Имя его, правда, отсутствует в родословии. Но подобное в родословцах встречается довольно часто, и поэтому Н.М. Карамзин, признав недостоверными первые поколения в родословной росписи князей Мещерских, предложил считать их родоначальником князя Александра Уковича. Более того, он отождествил его с известным нам лишь по родословцам Александром Юрьевичем, сыном убитого на Дону в 1380 г. Юрия⁷⁵. Оба они жили в эпоху Дмитрия Донского, носили одинаковые имена, а отчество могло быть искажено позднейшим переписчиком родословия князей Мещерских в XVI в. Логическим продолжением этого предположения стал вывод историка, что Мещера была куплена Дмитрием Донским «у тамошнего крещеного князя, именем Александра Уковича»⁷⁶. Авторитет Н.М. Карамзина был настолько велик, что последующие генеалоги стали считать князя Александра Юрьевича Мещерского «Уковичем»⁷⁷.

Но в середине XIX в. версия Н.М. Карамзина была подвергнута сомнению. П.В. Долгоруков обратил внимание, что Никоновская летопись и «Сказание о Мамаевом побоище» среди участников Куликовского боя 1380 г. упоминают в описании смотра русского войска на Девичьем поле под Коломной князя Юрия Мещерского, входившего в полк князя Владимира Андреевича Серпуховского⁷⁸. Тем самым, по его мнению, документально подтвержда-

лось свидетельство родословца об участии князя Юрия Федоровича в походе на Дон и то, что он реально существовал, а следовательно, и предыдущие поколения рода князей Мещерских не являются плодом фантазии.

Отсчитывая по известному генеалогическому правилу по 30 лет на деятельность каждого поколения, П.В. Долгоруков пришел к выводу, что основатель фамилии Бахмет мог действовать в 90-х гг. XIII в., а в родословцы в дату захвата им Мещеры вкралась ошибка, и вместо 6606 следует читать 6806 г., то есть 1298 г. И хотя дата эта не покоилась на каком-либо известии источников, а была выведена чисто механическим путем, она прочно утвердилась в последующей генеалогической литературе⁷⁹. Именно на 90-е гг. XIII в. приходится период, когда Орда фактически распалась на две части – орду Ногаю на западе и Волжскую Орду на востоке. В середине 90-х гг. XIII в. эта борьба закончилась поражением Ногаю, многие из его сторонников вынуждены были бежать, и нет ничего удивительного, что в этот период ордынских смут в Мещере мог очутиться родоначальник князей Мещерских. Отчасти это подтверждает и их родословная, называя центром их владений Андреев городок, располагавшийся, как выяснил П.Н. Черменский, поблизости от современной Елатьмы⁸⁰. Название городка явно образовано от имени его основателя. Поскольку в первых коленах князей Мещерских нет ни одного лица с этим именем, с большой долей вероятности основание городка следует связать с именем великого князя Андрея Александровича, жившего именно в конце XIII в. и к которому мог выехать Бахмет⁸¹.

В литературе, правда, были высказаны сомнения в том, что Бахмет, Усейнов сын, действительно «выехал» в Мещеру, а не был местным уроженцем. Как уже говорилось выше, первые родословие князей Мещерских было записано при Иване IV, когда в числе немногих родов они попали в «Государев родословец». Грозный покоритель Казани производил свой род от мифического Пруса, брата римского кесаря Августа, а вслед за ним окружавшая его знать старалась показать себя приехавшей из чужих стран и происходящей от очень знатных и знаменитых родоначальников. Нет ничего невозможного в том, что князья Мещерские в XVI в., увлекшись этим модным направлением того времени и не желая сознаться в своем природном мещерском происхождении, могли выдумать легенду о завоевании Мещеры князьями Ширинскими, однофамильцы которых в Крыму в то время пользовались исключительной честью. Поэтому П.Н. Петров, хотя, вслед за П.В. Долгоруковым, и относил начало их рода к концу XIII в., видел все же в их родоначальнике местного уроженца, а не выходца из Орды⁸². Впрочем, версия о туземном происхождении князей Мещерских так и не получила своего продолжения, ибо вскоре в научный оборот был введен ряд источников, в том числе и письмо Магмет-Гирея Василию III 1517 г. «А Ширины, – писал крымский хан, – опричь меня здумали, что им вперед Мещера воевати за то, что нынеча на Мещере наш недруг, а из старины тот юрт наш»⁸³.

Тем самым предположение Н.М. Карамзина о недостоверности первых поколений князей Мещерских было опровергнуто. Вскоре появились колебания и в том, что Дмитрий Донской «купил» Мещеру у Александра Уковича. Историограф, читая фразу из договора 1381 г.: «А что купля князя великого Мещера, как было при Александре Уковиче»⁸⁴, полагал этот текст в том смысле, что Мещера была куплена московским князем непосредственно у него.

Споры о времени «купли» Мещеры

Поводом к сомнению послужило то, что исследователи обратили внимание на последующие московско-рязанские договоры XV в. Д.И. Иловайский выяснил, что в первом из них – dokonчании 1402 г. между Василием I и рязанским князем Федором Ольговичем – говорится: «А порубежье Мещерским землям, как было при великом князе Иване Ярославиче и при кнези Александре Уковиче»⁸⁵. Аналогичная фраза имеется и в последующих московско-рязанских соглашениях⁸⁶. Таким образом, имя Александра Уковича постоянно сопоставляется с именем рязанского князя Ивана Ярославина, действовавшего в 1300–1327 гг.⁸⁷, и, следовательно, они были современниками. Поэтому Д.И. Иловайский сделал вывод, что Александр Укович жил в первой половине XIV в., но никак не при Дмитрии Донском⁸⁸. Отсюда вытекало, что сделка по приобретению Мещеры, контрагентами которой выступают Дмитрий Донской и Александр Укович, становится просто невозможной. Д.И. Иловайский, по-прежнему полагая, что Мещера была «куплена» Дмитрием Донским (а об этом недвусмысленно говорит грамота 1381 г.), все же предпочитал не высказываться о времени «купли» и о том, у кого она была приобретена. Этой же позиции вслед за ним придерживались С.М. Соловьев и М.К. Любавский⁸⁹.

И хотя эти исследователи ничего не говорили о времени «купли» Мещеры, тем не менее они подразумевали, что эта сделка состоялась по времени, близком к упоминанию о ней в грамоте 1381 г. Именно с 80-х гг. XIV в. Мещера начинает упоминаться летописями и другими источниками как московское владение. Об этом говорят и приводившееся нами выше известие Никоновской летописи об участии князя Юрия Мещерского в Куликовской битве, и показание новгородского летописца, который сообщает под 1386 г. о походе Дмитрия Донского на Новгород «съ всеми князи русскими», собравшего многочисленные рати, среди которых видим и мещерскую⁹⁰.

Вопрос – у кого Дмитрий Донской «купил» Мещеру – так и оставался нерешенным. После работ Д.И. Иловайского выяснилось лишь то, что «продавцом» Мещеры Александр Укович не мог быть, поскольку являлся современником рязанского князя Ивана Ярославина. Но здесь возникало одно противоречие, на которое обратил внимание М.И. Смирнов. Действительно, в московско-рязанских грамотах XV в. Александр Укович постоянно сопоставляется с Иваном Ярославичем, жившим в первой четверти XIV в., но, с другой стороны, его имя не менее тесным образом связано с фигурой Дмитрия Донского, чья деятельность падает уже на вторую половину XIV в.

Попытавшись разрешить эту проблему, М.И. Смирнов обратил внимание на выражение грамоты 1381 г.: «как было при Александре Уковиче». Оно могло означать только одно – к 1381 г. его уже не было в живых. Отсюда естественным образом он сделал вывод об ошибочности версии Н.М. Карамзина о том, что Александр Укович и князь Александр Юрьевич – одно и то же лицо, ибо последний, наследовав Мещерский удел по смерти отца, павшего на Куликовом поле, был, несомненно, жив в 1381 г.⁹¹ Продолжая считать, что «продавцом» Мещеры был Александр Укович, он предположил, что эта сделка была совершена гораздо раньше 1381 г. – «в самые первые годы княжения Дмитрия Донского и заключена она в его малолетство московскими боярами»⁹². Действовавший в первой четверти XIV в. Александр Укович вполне мог дожить до начала 60-х гг. XIV в.

Но эта внешне логичная схема имела небольшой изъян – оставалось непонятным, почему в летописях и других источниках Мещера начинает упоминаться лишь с 80-х гг. XIV в., а не двумя десятилетиями раньше. Ответ на это постарался дать П.Н. Черменский, изучавший исто-

рическую географию этого края. Он обратил внимание на то, что в разные исторические эпохи под «Мещерой» понималась различная территория. Ныне Мещерой именуют низменную равнину в пределах Московской, Рязанской и Владимирской областей, между Клязьмой на севере, Москвой-рекой на юго-западе, Окой – на юге и Судогодой и Колпой – на востоке⁹³. Однако в более раннее время край имел совершенно иные границы. В XVI–XVII вв. под понятием «Мещерских городов» обычно понимались уезды Темникова, Кадома, Касимова, Елатьмы и Шацка⁹⁴. Иногда в это понятие включались Арзамас, Алатырь и Курмыш⁹⁵. Вместе с тем наряду с подобным широким определением «Мещерских городов» существовало и более узкое определение Мещеры – в виде самостоятельного Мещерского уезда. Он занимал треугольник в изгибе Оки в районе нынешних Касимова и Елатьмы. Ока ограничивала Мещеру с юга. С запада территория Мещерского уезда граничила по реке Гусь с рязанскими землями, а с севера – с Муромом, граница с которым шла от реки Гусь через реку Ксекжа на реку Унжа в нижнем ее течении и оканчивалась у Оки немного севернее Елатьмы⁹⁶. Как видим, границы Мещеры в разное время были различны.

Поэтому П.Н. Черменский предположил, что в фразе московско-рязанского соглашения 1381 г. «А что купля князя великого Мещера, как было при Александре Уковиче, то князю великому Дмитрию, а князю великому Олгу не вступатися по тот розъездъ» речь идет не о времени «купли» Мещеры, а о том, что московский князь приобрел не весь этот край, а лишь его часть (скорее всего, территорию, которую в XVI в. занимал Мещерский уезд) в тех границах, которые были установлены ранее при рязанском князе Иване Ярославиче и Александре Уковиче во время размежевания их владений. То, что в 20-х гг. XIV в. Иван Ярославич проводил размежевание своих границ с соседями, подтверждается все той же московско-рязанской грамотой 1381 г.: «А Володимерское порубежье по тому, как то было при вашем деде, при великом князе при Иване Даниловиче, и при вашем дяде, при великомъ князе при Семене, и при твоємъ отци, при великомъ князе при Иване»⁹⁷. Московско-рязанское dokonчание 1402 г. уточняет, что с рязанской стороны этот рубеж был впервые установлен «при великом князе Иване Ярославиче»⁹⁸

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.